

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

ТЕМНЫЕ МОСКОВСКИЕ НОЧИ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Иллюстрация на обложке
Алексея Дурасова

Шарапов, Валерий Георгиевич.
Ш25 Темные московские ночи / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Беспокойное лето 45-го. Послевоенный детектив).

ISBN 978-5-04-205311-5

В послевоенной Москве неизвестная банда совершает нападения на одиноких прохожих. Одной из жертв налетчиков стал отставной подполковник НКВД. Бандиты жестоко убили его и дочиста ограбили. Сыщики МУРа Иван Старцев и Александр Васильков обращают внимание на особую примету погибшего — отсутствие двух фаланг на указательном пальце правой руки. Точно такая же травма была у сослуживца Василькова, убитого при странных обстоятельствах в 1943 году таким же способом. Что это — случайное совпадение или почерк выжившего на войне убийцы? Страшная разгадка не заставила себя ждать...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шарапов В., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-205311-5

ПРОЛОГ

*Центральный фронт,
западнее Рыльска
Июль 1943 года*

Видимость в густом лесу была отвратительной. Курочкин, двигавшийся впереди, порой заходил в такие дебри, что совершенно терялся из виду. С десяти шагов не разглядеть, да и не услышать. Он перемещался совершенно бесшумно, словно на ногах у него были не солдатские ботинки, а мягкие войлочные тапки. Поэтому бойцам, шедшим следом, иной раз приходилось лишь догадываться о том, куда он подевался.

Курочкин был невысок ростом, но крепок и жилист. Природа наделила его такими качествами, как вдумчивость, внимательность, осторожность. В мирной жизни он легко стал бы прекрасным охотником, если бы этого пожелал. А на войне отцы-командиры быстро разглядели эти его способности и определили мужика в разведку.

Яркое июльское небо хорошо освещало вершины высоких осин и кряжистых дубов, но пространство под кронами растворялось в гу-

стом полумраке. У оснований древесных стволов разрастались лещина, жимолость, бересклет, шиповник. Красота! Вот только любоваться ею в разведке не пристало.

Капитан Александр Васильков наконец-то заметил впереди застывшую фигуру сержанта, успокоился, остановился и отхлебнул из фляжки. Уже с полчаса его одолевала жажда, левая рука трижды порывалась снять с пояса флягу, да всякий раз что-то мешало, отвлекало. Вот и последние несколько минут ему пришлось искать Курочкина, исчезнувшего из поля зрения. Вроде только что мелькала в листве его спина в насквозь пропотевшей гимнастерке и вдруг растворилась в серо-зеленой мешанине.

Курочкин дело знал, за полтора года службы в разведке не раз проникал за линию фронта и участвовал в рейдах по немецким тылам. Ежели он остановился и застыл, стало быть, впереди не все гладко.

Командир опять позабыл про желание испить водицы. Он машинально прицепил фляжку к поясному ремню, оглянулся и попытался узреть в зарослях своих бойцов. Основная часть группы следовала за ним на дистанции пятнадцать-двадцать метров.

Он не стал набирать в этот рейд многочисленную группу. Через линию фронта на сей раз

отправились восемь душ. Впереди шел Курочкин, Васильков шагал следом. Позади командира держались шестеро новичков.

Да, к сожалению, служба в разведке предполагала жуткую текучку кадров. Несколько дней назад при возвращении с задания серьезные ранения получили капитан Старцев и одессит Сидоренко. Обоих отправили в госпиталь, а в группу добавились новички.

Одним из таких людей был старший лейтенант Николай Точилин, командир взвода из соседнего полка. Он давненько просился в разведку, писал рапорты и даже лично обращался к Василькову. Но ротного в нем что-то настораживало. То ли заторможенность — он любил подолгу подумать, порассуждать, — то ли шаблонное мышление, что в службе фронтового разведчика совершенно не поощрялось. Вроде неплохой, умный парень, без явных недостатков, но не для этого дела.

А тут прижало. За последний месяц рота Василькова понесла большие потери. Пришлось ему закрыть глаза на мелочи и попросту брать тех, кто горел желанием.

Все шестеро, включая Точилина, были на месте, в нескольких метрах от командира. Капитан подал им сигнал об усилении внимания и принялся наблюдать за сержантом. Чуть согнув спи-

ну, тот стоял под ветвями высокого кустарника и медленно поворачивал голову то влево, то вправо. Это означало, что его тонкий слух уловил какие-то звуки. Теперь Курочкин определял направление, искал их источник.

«Впереди дорога», — вскоре пояснил он жестами и вопросительно поглядел на Василькова.

Вместо ответа тот вплотную приблизился к сержанту и шепотом спросил:

— С чего ты взял? На карте не обозначено никаких дорог.

— Помню, что не обозначено. Но поначалу услышал немецкую речь. Будто двое идут и негромко бубнят меж собой, — пояснил Курочкин. — А потом чуть левее и дальше затахтел мотоциклетный мотор. Неужто вы не слышали?

Лишний раз подивившись хорошему слуху сержанта, командир мотнул головой и ответил:

— Нет.

Он тотчас насторожился.

Дуновение легкого ветерка принесло едва различимый стрекот. В паре сотен метров от них действительно проезжал мотоцикл.

После крупнейшего танкового сражения в районе станции Прохоровка, в центре и на южном фланге Курской дуги случилось затишье.

Стороны воспользовались передышкой и спешно занялись перегруппировкой сил.

Минувшей ночью разведчики капитана Василькова скрытно пересекли линию фронта, продвинулись на юго-запад и еще затемно вошли в густые леса между Рыльском и Казачьей Каменкой. По мнению начальника разведки 60-й армии, где-то в этих лесах разместился штаб 13-го армейского корпуса 2-й армии вермахта. Советскому командованию позарез требовались свежие данные по составу корпуса и его вооружению.

В июле 1943 года 2-я армия вермахта состояла всего из двух корпусов: 7-го и 13-го. Казалось бы, невелика сила. Однако, по данным советской разведки, оба корпуса недавно прошли преобразование, возможно, получили пополнение в виде живой силы, техники и новейшего вооружения. Иначе вряд ли немецкое командование доверило бы этому соединению оборону самого ответственного участка на дугообразной линии фронта, протянувшейся от Малоархангельска до Волчанска.

Так или иначе, но все эти предположения перед началом масштабного наступления требовалось опровергнуть либо подтвердить. По этой причине минувшей ночью по тревоге была поднята рота разведчиков. Василькову

поставили задачу, дали сорок минут на формирование группы, завтрак, сборы и отправили за линию фронта добывать языка.

— Точно дорога. Видать, совсем свежая, — медленно отодвинув ветку куста, прошептал Курочкин.

— Недавно расчистили, — согласился командир. — Часть стволов попилили, а кустарник пригладили танками. Видишь ближе к краю следы гусеничных траков?

Так и было. Широкую рокаду немцы делать не стали, дабы не светить ее перед нашими самолетами-разведчиками. Убрали только мешавшие деревья, остальные не тронули, чтоб не размыкать густые кроны. Сваленные стволы распилили на двухметровые чурбаки и растащили по разные стороны, обозначив ими границы проезжей части. В грунте и свежих опилках уже обозначилась колея от автомобильных и мотоциклетных колес.

Поколдовав над картой, Александр Васильков хотел было приказать двигаться дальше, да тут заметил, как тяжело дышит Курочкин.

— Устал? — спросил он.

— Ерунда, — ответил тот и поморщился. — Мне бы еще пяток минут отдышаться, и можно спокойно топтать дальше.

Лидеру, идущему впереди, всегда приходится тяжелее, чем бойцам из общей группы. Зрение и слух напряжены до предела, каждая мышца работает на то, чтобы передвижение оставалось бесшумным и незаметным, внимание на все триста шестьдесят градусов. Другие что, им полегче. Человек, идущий вторым, следит за лидером, замыкающий поглядывает назад, остальные секут по сторонам и двигаются общим гуртом.

Васильков тяжело вздохнул и опять вспомнил про друга Ивана. Как же порой не хватало Старцева, валявшегося сейчас по госпитальным палатам! Не повезло Ваньке. Да еще как! Ногу осколками мины разворотило так, что врачи наверняка ее отнимут.

Командир провел ладонью по лицу, отогнал невеселые воспоминания и распорядился:

— Дуй к основной группе. Я подменю тебя на полчаса.

— Понял, — сказал Курочкин и осведомился: — Куда двинем? Влево или вправо?

— Влево, на юг. Не приближаясь к рокаде. Думаю, то, к чему она проложена, находится именно там.

Дорога привела разведчиков к неглубокому овражку, на дне которого был разбит лагерь. Десяток армейских палаток различной вмести-

мости, полевая кухня, пара землянок и беспрестанно урчащий дизель-генератор. Грунтовка обрывалась на стоянке, обустроенной перед лагерем. Здесь находились несколько мотоциклов, два легковых автомобиля и грузовичок, видимо, подъехавший сюда совсем недавно. Нижние чины вытаскивали из кузова мешки, коробки, ящики. Возле автомобилей и у двух центральных больших палаток прохаживались часовые. Рядом с кухней сутился повар.

Овражек настолько зарос высокими деревьями и кустарником, что все это хозяйство, утопающее в густой тени, не заметил бы ни один пилот самолета-разведчика. Да что там пилот! Даже глазастый и умудренный опытом Васильков увидел лагерь, только подобравшись к нему едва ли не вплотную. Для пущей надежности немцы натянули поверх брезентовых жилищ камуфляжные сетки, а к периметру лагеря притащили огромные кусты, срубленные где-то поодаль.

— Серьезно замаскировались, — вполголоса проворчал Курочкин.

Командир молча кивнул.

— Только я, значит, одного не пойму, Александр Иванович, — продолжал сержант. — Чего же патруль-то по лесу не рыщет? Не похоже на осторожную немчуру. Как думаете?

— Зачем им здесь патруль? Они уверены в своей безопасности, — проговорил Васильков.

— А сколько мы отмахали от линии фронта?

— Километров двенадцать.

— Тогда понятно. Некого им тут опасаться.

Несколько часов назад, перед тем как войти в этот лес, разведчики засекли на его южной опушке немецкие танки. После подсчета вылезла круглая циферка — тридцать пять штук. Целый батальон! Вдоль северной опушки разместились другая техника: грузовики, дивизион легких артиллерийских орудий. Там же маячила и пехота в количестве никак не менее двух батальонов. Скопление войск плюс скрытность, с которой был обустроен штаб, и впрямь придавали немецкому командованию уверенность в абсолютной безопасности.

Основная группа разведчиков расположилась метрах в пятидесяти от оконечности дороги. Васильков с Курочкиным подобрались поближе к противнику, убедились в отсутствии патрулей и наблюдали за всем тем, что происходило в лагере и на стоянке.

Начальник разведки 60-й армии не ошибся. Палаточный лагерь, разбитый посреди леса, действительно ой как походил на полевой штаб крупного немецкого войскового соединения, корпуса или как минимум дивизии. Над одной

из палаток торчало множество радиоантенн, провода опутывали стволы ближайших деревьев. В другой, вероятно, размещался оперативный отдел. Третья служила для приема пищи, а в четвертой прямо сейчас явно происходило совещание. Время от времени из нее выходили старшие офицеры, негромко переговаривались, курили.

В такие моменты Александр скрипел зубами, настолько хотелось ему захватить одного из них. Ведь приволочь из разведки такую важную птицу было бы огромной удачей. Однако рисковать своими людьми он не собирался. В этой ситуации действовать нагло, полагаясь на внезапность и скорость, было безрассудно. Сил у противника здесь сконцентрировано прилично. Немчура мигом окружит лес, прочешет его, и все, поминай как звали. А Васильков хотел не только выполнить боевую задачу, но и сохранить жизни своим подчиненным.

Через час скрытного наблюдения он убедился в том, что выкрасть языка с территории полевого штаба не удастся. Слишком уж в лагере былолюдно, оживленно. Двое часовых торчали у палаток, возле кухни маячил повар с помощником, несколько солдат возились у землянки, служившей складом. Из узла связи периоди-

чески высказывал младший офицер и легкой трусцой бежал в большую палатку с очередной радиোগраммой, принятой только что. Туда же с рулоном карт часто нырял тучный майор из палатки, где размещался оперативный отдел.

Зато после отъезда грузовика на стоянке неожиданно наступила тишина. На небольшой площади по-прежнему отдыхали мотоциклы и пара легковушек, но уже не было ни одной живой души. Видимо, часовой там появлялся только на время разгрузки изредка подъезжавших автомобилей.

Александр тотчас подметил эту перемену.

«От стоянки до палаток метров сорок, не меньше. Если подстеречь там приехавшего фашиста, аккуратно тюкнуть его по башке и смыться с ним в чашу, то дело выгорит», — решил он.

По приказу Василькова группа перераспределилась. Курочкин и новичок Точилин заняли позицию недалеко от стоянки. Когда от нее отъедет мотоцикл или легковой автомобиль, они должны будут подать сигнал Жарову. Рядового Жарова капитан посадил метрах в сорока от Курочкина и приказал не спускать глаз с товарищей. Остальные бойцы залегли по обе стороны от дороги, еще дальше от полевого штаба.

По задумке командира, Курочкин должен был выбрать подходящую цель, лучше всего — одиночного мотоциклиста и сигнализировать о его отъезде Жарову. Тот сообщит об этом Василькову. Группа захвата немедленно выдвигается к дороге и ударом приклада вышибает мотоциклиста из седла. Захват намечался на приличном удалении от стоянки, так что шум, вполне возможный в такой ситуации, вряд ли будет услышан часовыми. Выстрелить фашист не успеет, удар же неуправляемого мотоцикла о дерево дальше тридцати шагов в густом лесу не разойдется.

Ждать пришлось довольно долго. Стрелки наручных часов показывали половину третьего. С минуты на минуту совещание в главной штабной палатке лагеря закончится, офицеры переместятся в соседнюю, и начнется обед.

Васильков лежал под кустом на небольшом пригорочке. Рокада с его позиции просматривалась скверно, а лагерь и Курочкина с Точилиным он не видел и вовсе. Зато неприметная фигурка рядового Жарова была как на ладони. Любой его жест или знак будет тут же замечен Васильковым или старшиной Петренко, распластавшимся рядом с командиром.

Капитан глянул на сосредоточенное лицо соседа. Петренко был одногодком Александра,

в разведроту попал месяца два назад. Воевал хорошо и вообще зарекомендовал себя надежным и серьезным человеком.

По другую сторону дороги ждали команды сплошь новички. Васильков сам, лично, отбирал их в свою роту, подолгу беседовал с каждым, проверял навыки рукопашного боя и владения оружием.

Он снова посмотрел на Жарова, потом перевел взгляд дальше, на зеленое марево, колыхавшееся под легким ветерком, обильно разбавленное золотом солнечных лучей и темными пятнами густой тени. Где-то там, в этом мареве прятались Курочкин с Точилиным.

«Точилин!.. — Васильков вздохнул. — Ты только не подведи меня, старлей».

До войны Точилин служил в уголовном розыске подмосковного Подольска. Осенью сорок первого он был призван в армию и назначен командиром стрелкового взвода, с середины сорок второго начал писать рапорты с просьбой перевести его в разведку.

— Какого лешего ты просишься в мою роту? У тебя же нет указательного пальца правой руки! — заявил Васильков, впервые познакомившись с Точилиным. — Как ты собираешься воевать?

— У меня уж несколько лет его нет. — Взводный продемонстрировал давно затянувшийся-

ся шрам на единственной уцелевшей фаланге пальца. — Так что с того? Я левой наловчился стрелять. Шестьдесят пять очков из нагана вышибаю.

Шестьдесят пять из семидесяти — результат отличный. Только на слово Васильков никому не верил и решил испытать бывшего оперативника угрозыска. Он немедленно сделал это и был приятно удивлен. Тот действительно очень даже лихо палил с левой руки. Более того, с момента потери пальца он научился делать ею все то, что ранее делал правой.

Настойчивость и работоспособность Точилина не могли не вызвать уважение. Васильков закрыл глаза на излишнюю задумчивость старлея и зачислил его в свою роту.

После продолжительного затишья на лесной рокаде послышалось тарахтение двигателя.

— Мотоциклет, — тут же определил старшина, лежавший рядом с командиром.

— Точно, — подтвердил капитан. — Только едет он с другой стороны.

Спустя полминуты они рассмотрели сквозь листву мотоцикл с коляской, медленно двигавшийся по лесной дороге.

— Сколько их там? — спросил Васильков.

— Один вроде, — шепотом ответил старшина. — Ну да, так и есть. Кажись не офицер. Жирный галун вокруг погона и три звездочки.

— Ясно, штабс-фельдфебель. Морду видишь?

— Не разобрать. Он в каске и в специальных очках. Поджарый, но некрупный. Такого можно быстро скрутить.

С позиции старшины дорога просматривалась получше. Глазастый Павленко чуть отодвинул жиденькую ветвь куста и внимательно наблюдал за мотоциклом, проезжавшим мимо.

— В коляске пусто? — нетерпеливо интересовался капитан.

— Не вижу толком. Как будто пусто. А у фельдфебеля планшет у правой ляжки болтается.

— Может, связной?

— Не знаю, Александр Иванович. Похоже на то.

Версия о штабном связном взбудоражила сознание Василькова. Штабс-фельдфебель — не офицер, но самый старший из унтеров. Если взять его, да еще и прихватить планшет с документами, то задание можно будет считать выполненным.

«Усилить внимание! Будем брать мотоциклиста, когда поедет обратно!» — просигналил он рядовому Жарову.

Тот передал информацию Курочкину и Точилину. Группа принялась ждать.

— В чем дело?! — прошептал Васильков, когда мимо по лесной рокаде в обратном направлении промчался на мотоцикле тот самый фельдфебель.

— Вот тебе раз! — прохрипел Петренко. — Они что, там уснули, поганцы?!

Капитан поймал взгляд рядового Жарова и жестом потребовал объяснения. Тот пожал плечами и покачал головой. Дескать, да я и сам не пойму. Никакой команды от Курочкина не поступало.

Это и вовсе насторожило командира.

— Вот что, старшина. — Васильков приподнялся со своего места. — Оставайся здесь и жди моей команды через Жарова.

— А вы куда?

— Проведаю Курочкина. Очень не нравится мне все это.

Александр осторожно преодолел тридцать метров, присел возле рядового и спросил:

— Что случилось?